

Мифы и реальность полового воспитания

«Откуда я взялся?» — примерно в пять лет этим вопросом задается любой ребенок. В ответ обычно звучит что-то очень простое и краткое, типа «у мамы из животика», и разговор бывает исчерпан.

Разве что еще ребенок может спросить, как когда-то спросил мой старший сын:

— А почему я тогда не грязный? Я опешила, но быстро нашлась:

— Тебя помыли. И он на этом успокоился.

Однако сейчас настойчиво пропагандируется так называемое «сексуальное просвещение». И некоторые люди верят, что чем раньше их дети будут знать о данной стороне жизни, тем лучше. А потому покупают соответствующие пособия, после чего, зачастую, уже не дожидаясь дальнейших вопросов сыновей или дочек, спешат восполнить вполне естественные пробелы в их знаниях. Говорят, некоторые особо «прогрессивные» папы даже смотрят с детьми эротические фильмы. Дескать, пусть привыкают! Что тут такого особенного?

Правда, у многих родителей просветительский запал быстро сходит на нет, потому что с их чадом начинает твориться нечто странное.

Секспросвет вреден для здоровья. О нет, что вы! Мы эти книжки мигом убрали, а то с нашим Сашей (Ваней, Петей) после такого чтения никакого сладу не было, — не раз и не два приходилось за последние годы слышать мне и моим коллегам-психологам.

И действительно, на многих детей беседы «про это» оказывают растормаживающее воздействие. А попросту говоря, сильно возбуждают.

Впрочем, это неудивительно, ведь одна из отличительных черт нашей культуры — повышенная стыдливость (недаром застенчивость называют национальной русской чертой!). Разговоры взрослых с детьми о физической стороне любви у нас строго табуированы.

Вы никогда не задумывались, почему, например, в таком богатейшем языке как русский, на котором можно выразить практически любые оттенки чувств, нет нормальных, общеупотребительных слов для выражения физической любви, а есть только научные термины или мат? Неужели это случайно?

Нет, конечно. Язык — не просто набор словосочетаний и фраз. Он отражает религиозные представления народа, его философию, культурные особенности. И если уж даже язык так противится выводу сокровенной темы на поверхность, значит, это далеко не безобидно. Растабуирование, рассекречивание запретных тем ведет к психическим расстройствам. А для детей, которые по самой своей природе ближе к первоначалу, к истокам культуры, нарушение культурных запретов (табу) опасно вдвойне. Детская психика гораздо уязвимее, неустойчивей взрослой. Механизмы защиты еще не выработаны. Очень легко нанести ребенку травму, от последствий которой он может страдать потом всю жизнь.

Тем более, что сейчас многие дети и без того повышенно возбудимы. Врачи говорят, что это бывает последствием родов со стимуляцией, родовых травм, патологии внутриутробного развития. Кроме того, сказывается пагубное воздействие телевизора, компьютерных игр,

обилие отрицательных и откровенно страшных впечатлений, от которых родители полностью оградить своих детей не в силах.

А при повышенной возбудимости ребенок не может надолго сосредоточиться; в школе у него возникают проблемы с учебой и с поведением. У таких детей часто не складываются отношения со сверстниками: они становятся либо скандалистами, либо шутами, над которыми потешается весь класс.

Охранная функция стыда

Особенно опасно, когда сексуальным просвещением сына занимается мать, а дочери — отец. Вот очень типичный случай. Одиннадцатилетняя Катя вела себя дома просто безобразно: закатывала истерики. Демонстративно спала на полу, отказывалась причесываться, грубила так, что у взрослых «вяли уши», дралась.

— Да! Вот еще что... — в самом конце консультации припомнила мама. — Не знаю, может, это, конечно, нормально... во всяком случае, муж не видит тут ничего дурного, но меня все-таки настораживает... видите ли, Катюша прямо с ножом к горлу требует, чтобы он ее мыл в ванне. Меня прогоняет, а его зовет.

— Может, вы в свое время немного переусердствовали с сексуальным просвещением Кати? — осторожно поинтересовалась я.

И, как выяснилось, попала в десятку. Они действительно переусердствовали. Причем просвещал Катюшу именно папа. Он вообще любил все новое и необычное.

В дальнейшем оказалось, что дело зашло уже довольно далеко. Девочка под предлогом игры в маленького ребенка норовила залезть в постель к родителям. А порой даже пыталась стянуть с отца трусы. Причем матерью эти выходки воспринимались как детские проказы (немного, впрочем, запоздалые по возрасту), а отец вообще не видел в таком поведении ничего странного!

— Нормальное детское любопытство, — пожимая плечами, говорил он. И спешил удовлетворить его очередным пособием по сексологии.

А восьмилетнего Леву уже собирались выгнать из школы за неуправляемость. Хотя школа была частной, из разряда дорогих, и дополнительные пятисот долларов в месяц, как вы понимаете, директору не помешали бы. Но престиж заведения был дороже, ведь Лева не просто безобразничал на уроках и хамил учителям. (Так, например, он во всеуслышание спросил одноклассника, зачем-то доставшего из портфеля деньги: «Ты чего? Решил на ночь Марию Антоновну снять?»).

Все это было неприятно, но начальство терпело. Их добило другое. Однажды Леву застукали с другим мальчиком, где они стояли, запуская руки друг к другу в штаны. Лева честно признался, что инициатором столь необычного времяпрепровождения на школьной перемене был он, поскольку ему «захотелось». И не выказал ни стыда, ни даже намека на раскаяние. Как будто речь шла о чем-то столь же обычном, как, скажем, поедание на перемене бутерброда.

Инцидент кое-как замяли, однако Левину мать предупредила, что еще один такой эпизод — и со школой придется распрощаться. Ведь если о выходках мальчика узнают другие родители, которые платят за обучение своих детей ничуть не меньше, чем родители Левы, администрации придется несладко.

Напуганная мама обратилась к психиатру. Врач выписал ребенку кучу сильнодействующих

лекарств, чтобы его утихомирить, и при этом посоветовал позаниматься в группе психологической коррекции. Так Лева оказался у нас. Впечатление мальчик производил тяжелое: сильная расторможенность, какое-то дикое, зашкаливающее своеволие, нелепая демонстративность полное отсутствие тормозов... Не зная мы мнения врача, решили бы: «Шизофреник». Но врач считал, что приклеивать Лева этот ярлык преждевременно, а у нас не было оснований сомневаться в его компетентности.

Поэтому мы стали разбираться в психологических причинах, которые могли породить такое отклоняющееся (или, как говорят специалисты, девиантное) поведение. Никаких психотравм у мальчика не было. Полная семья, заботливая мать. Ну, немного избаловала сына. Но все равно не настолько, чтобы он шел вразнос! Откуда такая распушенность и несвойственная его возрасту фиксация на теме секса? (Мать вспомнила, что еще до школы Лева гонялся за девочками во дворе и кричал: «Я тебя сейчас изнасилую». Вспомнила и другие, столь же пикантные подробности, на которые она в свое время не обратила должного внимания.) Он же не у гулящей женщины растет, которая каждую ночь принимает у себя новых мужчин. В чем тут дело?

— Скажите, а вы не пробовали сексуально просвещать мальчика, когда ему было лет пять-шесть? — спросили мы Левину маму. — Знаете, в этом возрасте дети обычно задают какие-то вопросы...

— Конечно, пробовала! — оживилась она. — Сейчас, дайте припомнить... Ну да! Ему как раз пять лет исполнилось, а у подруги ребенок родился. Мы в гостях побывали, и Лева спросил: «Они малыша в магазине игрушек купили, да?» Ну, я ему все объяснила... В общих чертах, разумеется, но по-научному: и про слияние клеток, и еще что-то, точно не помню... Он вроде бы удовлетворился. Потом походил-походил — и снова приходит с вопросом. «А откуда, — говорит, — клетки эти берутся?» Я ему дальше рассказала, даже нарисовала кое-что... схематично, конечно, но все понятно. Он опять спрашивает... Тут я почувствовала, что моих знаний уже не хватает, и купила энциклопедию. Знаете, сейчас много таких продают: яркие, красочные, с рисунками на каждый возраст. Мы с ним все проштудировали, вроде бы сняли вопросы... А тут он снова стал интерес проявлять... Может, ему опять что-нибудь не совсем ясно? Может надо еще одну книжку купить?

А если ребенок интересуется?

- Но что же делать, если ребенок интересуется? — спросите вы. — Неужели надо молчать или переводить разговор на другую тему?

Порой, безусловно, надо. Кто вообще сказал, что детям можно и нужно говорить ВСЕ? Мало ли чем еще они могут заинтересоваться?! Мальчишки 8-13 лет, например, очень интересуются рецептами изготовления взрывчатки. Но это не значит, что их следует просвещать в этом направлении — себе дороже.

Дети и подростки так устроены, что их тянет поскорее проверить полученные знания на практике. Тем более, когда это имеет отношение к настоящей, по их представлениям взрослой жизни. Выразительной иллюстрацией данной особенности детско-подросткового возраста служит эксперимент, который проводили врачи, занимавшиеся профилактикой курения. Одной группе подростков рассказывали о вреде, который может нанести растущему организму никотин, а другой — нет.

Потом сравнили результаты и оказалось, что... в первой группе курильщиков стало намного больше, чем во второй!

Та же самая история с наркоманией: наркологи уверяют, что чем больше привлекаешь внимание подростков к этому запретному занятию — пусть даже со знаком минус! — тем выше вероятность, что ребята попадут в «группу риска». Особенно любят острые ощущения демонстративные люди. А их сейчас в юном поколении очень много, ведь демонстративность всячески поощряется современной модой и масс-культурой.

Есть и другая, не менее серьезная опасность: рано «разгулявшийся гормон» ударяет в голову, а это затормаживает интеллектуальное развитие. «Широкомасштабная статистика психологических исследований, проведенных в школе Шарлоттой Бюлер, — пишет крупнейший, западный психиатр В. Франкл, — показала, что серьезные сексуальные связи слишком юных девушек... привели к выраженному сужению их общих интересов, к ограничению их интеллектуального горизонта» («Человек в поисках смысла». М., 1990).

Впрочем, чтобы прийти к такому выводу, вовсе не нужно было проводить широкомасштабных научных экспериментов. Достаточно просто посмотреть вокруг. Практически в каждом классе есть девочки, у которых «на уме одни мальчишки». Как они учатся? Какие у них интересы? Разве им до книжек, уроков, кружков? Я уж не говорю о том, что в нынешней нездоровой обстановке, когда именно в подростково-молодежной среде наблюдается резкий рост венерических заболеваний, привлечение детей к теме пола может обернуться настоящей трагедией для всей семьи.

Так что судите сами, что на одной чаше весов и что на другой...

Школьные уроки

Когда вопросы половой жизни начинают обсуждаться со взрослыми на уроках, последствия такой массовой атаки на неокрепшую психику вообще трудно себе представить в полном объеме! Ведь к информации, сообщаемой в школе, у детей особое отношение. Учебник не просто книжка. Он дает установочные знания, которые ученики обязаны усваивать и за которые они потом получают оценки.

А теперь представьте себе ситуацию. Если к вашему ребенку на улице подойдет взрослый и примется рассказывать ему то, о чем в культурном обществе не говорят, да еще снабдит свои рассказы непристойными картинками, ребенок поймет, что это плохой дядька». И постарается по мере сил защититься от него: убежать, позвать на помощь и т. п. Все мы обычно предупреждаем детей об извращенцах, так что при встрече с ними у большинства ребят (хотя, к сожалению, не у всех, иначе маньяки не увлекали бы за собой своих несчастных жертв) срабатывают механизмы психологической защиты.

Против учителя, фактически ведущего себя, как «плохой дядька, у ребенка защиты нет. Наоборот, в этом случае дети настроены на доверие к взрослому. И шок, в который повергают их «уроки полового воспитания», неизмеримо больше, чем от столкновения с извращенцем на улице.

Конечно, на разных детей потрясение действует по-разному. Кто-то воспринимает беседы о «безопасном сексе» как фактическое разрешение этим заниматься, кому-то становится безумно стыдно и противно, кто-то начинает презирать взрослых. Когда на уроке ученикам восьмого класса раздали непристойные анкеты, один из мальчиков, вернувшись домой, швырнул ее матери в лицо со словами: «Вот, погляди, до чего вы, взрослые, докатились!»

Секспросвет ведет и к ранней импотенции (да-да, хотя наивным людям, наоборот кажется, что «знание — сила»!) и к росту преступлений на сексуальной почве, и к нарушению половой

ориентации. И много других неприятных сюрпризов могут поджидать в недалеком будущем жертв подобных экспериментов. Поэтому психиатры и опытные педагоги высказываются резко против подобных уроков. Крупнейший детский психиатр Б. З. Драбкин, в свое время занимавший должность главного детского психиатра СССР, узнав о намерении Министерства образования ввести секспросвет в школы, отреагировал моментально. «В ход пошла тяжелая артиллерия. Если секспросвет внедрится в школы, это будет последний, самый сокрушительный удар по России», — сказал он и без промедления включился в борьбу.

В результате натиск «просвещенцев» удалось остановить. Хотя не везде и не навсегда. Они проявляют завидную изобретательность, под разными предлогами проникая в школы. То включают свою тематику в уроки валеологии, то в уроки здоровья, то пропагандируют «безопасный секс» на уроках ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности), граждановедения или здорового образа жизни, то начинают таким образом «бороться со СПИДом»...

И тут многое зависит от бдительности родителей. Там, где люди понимают рискованное подобных экспериментов, от любителей школьной «половухи» удается отбиться. Порой дело даже доходит до суда. Например, в Петербурге родители подали в суд на школу (и выиграли процесс!) из-за того, что их двенадцатилетней дочери на уроке биологии показали мультфильм о... пользе онанизма. Там же, где родители пассивны (как, например, в Ярославле), детей отстоять некому. Правда, потом им приходится за это расплачиваться. Как в том же Ярославле, где 13-14-летние дети, наслушавшись «просветительских» лекций, МАССОВО заразились гонореей (в одной школе было зарегистрировано 50 случаев!). Родители побежали жаловаться директору, поскольку сарай, куда дети бегали за утехами к любвеобильной особе 19 лет, находился рядом со школой, да и отлучались они туда во время уроков. Но директор заявил, что на лекциях детям вовсе не обязаны прививать основы нравственности. Это дело родителей. Лекторы же только дают информацию. И устроил очередную лекцию, на которой мальчикам и девочкам, собранным в актовом зале, в очередной раз показали, как пользоваться презервативом, а заодно дали адреса местных гей-клубов.

О чем же стоит говорить с детьми?

Разумеется, я не считаю, что абсолютно на все разговоры подобного рода должен быть наложен строжайший запрет. Нужно тактично приучать детей к навыкам гигиены, нужно предупредить девочку о том, что у нее начнутся месячные. Но предупреждать следует не на школьных уроках, а дома. И не в 8 лет, «как опять-таки советуют в некоторых книжках! В подавляющем большинстве случаев эта информация будет преждевременной и может напугать дочку. Особенно если ребенок раним, застенчив и боязлив.

С мальчишками еще сложнее. И в восемь, и в десять, и в тринадцать-четырнадцать лет они совсем еще дети, часто не менее впечатлительные и брезгливые, чем девочки. Зачем им рассказывать о предназначении прокладок? Сейчас даже многие взрослые мужчины жалуются на то, что навязчивая демонстрация этих изделий по телевизору вызывает у них отвращение к женщинам. Что же говорить о мальчиках?!

У детей должно быть право обратиться с вопросами к взрослому — это да! Но не к назначенному сверху, а к тому, кого ОНИ ВЫБЕРУТ САМИ! Так, девочки переходного возраста начинают интересоваться родами: больно ли это, опасно ли, сколько времени длится. И долг матери осторожно и опять-таки кратко (потому что вы не знаете, какие ассоциации и образы может вызвать ваш рассказ), ответить на вопросы девочки. Осторожность тут важна чрезвычайно: шокирующие подробности могут настолько травмировать подростка, что на всю жизнь отобьют охоту иметь детей. Поверьте, это не преувеличение. Я лично знаю несколько

таких женщин. Одна в детстве всего-то навсего увидела картинки в медицинском атласе. Казалось бы, ерунда. А для нее хватило. Замуж она впоследствии вышла, а вот родить ребенка так и не решилась. Другая росла в семье врачей, где было принято свободно говорить при детях на темы пола.

— Мне было так стыдно, — вспоминает она, — я сквозь землю готова была провалиться. А деться никуда не могла: мы все жили в одной комнате.

Эта женщина даже замуж выходить отказалась: поскольку она с детства узнала столько циничных подробностей! Мысль о близких отношениях с мужчиной внушала ей отвращение.

Когда речь идет о мальчике-подростке, заводящем с мамой разговор на скользкую тему, тем более не торопитесь с ответами. Лучше задумайтесь, что стоит за его вопросами. Только ли любопытство? А может, желание вас шокировать или проявить свою власть над вами: дескать, будешь отвечать, как миленькая, о чем бы я ни спросил? У своевольных, демонстративных детей такое порой бывает. И идти у них на поводу, поверьте, неразумно — скоро схватитесь за голову.

Тринадцатилетний Коля начал с вопросов про тампаксы, а кончил просьбой показать, как взрослые «трахаются». И все это с ангельски невинным видом! Насколько я понимаю, у него в запасе было еще много идей, но мать не выдержала и дала «ангелочку» пощечину. «Здоровое детское любопытство» мигом сошло на нет.

Пусть лучше дома, чем в подворотне»

Вы можете возразить: Пусть лучше ребенок узнает все от взрослых, чем в подворотне. Но ведь одно не исключает другого! Иначе в западных странах, где сексуальное просвещение ведется уже тридцать с лишним лет, подростки не рассказывали бы похабных анекдотов, не отпускали бы сальных шуточек и не разукрашивали бы стены зданий (в том числе школ!) непристойными надписями.

Этому даже название есть научное: «цинизм подростковой субкультуры». И составители секспросветовских программ прекрасно знают, что подростковый цинизм от этого только усилится. Однако, работая на публику, будут уверять вас в обратном. (Что, впрочем, понятно, хотя и не извинительно. Они отработывают деньги, проплаченные порномафией, заинтересованной в увеличении «работников» и клиентуры. Или выполняют заказ контрацептивных фирм, заинтересованных в сбыте своей продукции. Страшной, кстати, вредной, просто убийственной для здоровья подростков, приводящей к росту раковых опухолей и бесплодию).

Нет, подворотня все равно не исчезнет. Но зато дом или школа, где с ребенком будут муссировать интимные темы, тоже превратятся в представления детей в подворотню. И застав их за рисованием неприличных картинок, вы уже не сможете сделать замечание, поскольку сами допускали по отношению к ним фактически то же самое.

Послушаем еще одного очень авторитетного специалиста, крупнейшего педагога А. С. Макаренко. Он как будто для нас написал в 30-е годы в своей «Книге для родителей», описывая проблемы, с которыми сталкивались тогдашние приверженцы детского секспросвета: «Вдруг, кто его знает откуда, с полной очевидностью выяснилось, что половая проблема, несмотря на их героическую правдивость, желает оставаться все-таки половой проблемой, а не проблемой клюквенного киселя или абрикосового варенья. В силу этого она никак не могла обходиться без такой детализации, которая даже по самой либеральной мерке была

невыносима и требовала засекречивания. Истина в своем стремлении к свету вылезала в таком виде, что и самые смелые родители ощущали нечто, похожее на обморок... Выяснилось, что при самом добросовестном старании, при самой научной мимике, все-таки родители рассказывали детям ТО САМОЕ, что рассказали бы им и «ужасные мальчишки и девчонки», предупредить которых и должно было родительское объяснение. Выяснилось, что тайна деторождения не имеет двух вариантов».

Что же понимать под половым воспитанием?

Так выходит, половое воспитание не нужно? — Отнюдь! Очень даже нужно, только смотря что под этим понимать. Нормальное половое воспитание — это не лекции о «мужской и женской сексуальности» и о предназначении противозачаточных средств. Повторяю, таким образом вы лишь дадите ребенку индульгенцию, как бы разрешите ему этим заниматься (со всеми вытекающими страшными последствиями).

А ведь родительский долг в другом, прямо противоположном. Мы должны всеми силами оберегать детскую жизнь. А для этого охранять детскую чистоту и невинность, удерживать дочек и сыновей от разврата, потому что разврат — прямой путь болезням и смерти. Неправда, что сейчас уберечь подростков невозможно и надо лишь научить их «правильно предохраняться». Это все равно, как учить детей «правильно воровать» или «правильно потреблять наркотики» (именно такая логика положена в основу многих якобы антинаркотических школьных программ). Те, кто так думают, просто пытаются снять с себя ответственность. Но попытки эти жалкие, потому что от совести и от суда — хоть Божьего, хоть истории, хоть людского — какого угодно! — убежать все равно не удастся. Не получается строить счастье на погубленных детских жизнях. Достоевский был тысячу раз прав, когда писал про «слезинку ребенка». Вся мировая история это подтверждает.

Гораздо важнее рассказов про презерватив (который, кстати, не гарантирует надежной защиты от СПИДа!) дать детям установки на крепкую, многодетную семью, объяснить ролевые, психологические и социальные различия мужчин и женщин, воспитать в мальчике мужество и благородство, а в девочке скромность, женственность и душевную чуткость.

По материалам книги Т. Шишовой "Чтобы ребенок не был трудным"